

- - [Л. А. Тихомиров](#)

- [§ I](#)
- [§ II](#)
- [§ III](#)
- [§ IV](#)
- [§ V](#)
- [§ VI](#)
- [§ VII](#)

Введение

Это рассуждение об «Альтруизме и христианской любви», выходящие теперь *впервые* особым изданием, еще в 1892 году обратило на себя внимание известного канониста профессора Павлова, с своей *положительной* стороны, но оно носило тогда отчасти полемический характер. Настоящее издание освобождено от этого устаревшего полемического элемента, который для современных читателей способен скорее затруднить сравнение «альтруизма» и «христианской любви», как основ морали. Ред.

Параграф [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#)

Л. А. Тихомиров

Альтруизм и христианская любовь

В нравственной жизни человека проявляются два основных чувства, на которых воздвигаются и системы морали: это так называемый «альтруизм» и христианское чувство «любви». Вопрос об отношении между ними чрезвычайно интересен теоретически и важен практически. Разумеются ли под этими двумя названиями два *различных* чувства? Или альтруизм и христианская любовь — *одно и то же* чувство, дающие в своем развитии одни и те же этические последствия?

Очень многие, едва ли не большинство наших современников, не различают этих чувств и понятий. Многие даже не считают полезным различать, полагая, что такими разграничениями создается только бесплодное расхождение между христианством и внерелигиозной моралью. Выражения «альтруизм» и «христианская любовь» употребляются безразлично — даже у многих духовных писателей.

В действительности это объединение альтруизма и любви в христианском смысле — я полагаю — совершенно ошибочно теоретически, а практически способно угрожать не только чистоте христианской морали, но даже в корне исказить её смысл.

Оговорюсь, что я вовсе не хочу подчинять разыскания *истины* каким бы то ни было чисто практическим соображениям о пользе. Вопрос о том, что полезнее для людей — альтруизм или христианская любовь — я совершенно предоставляю свободному решению ума и совести каждого. Но именно в интересах истины — настаиваю на полном различии и противоположности между альтруизмом и христианской любовью. Смешивая эти два чувства, христианин впадает в «грех мысли». А по каноническому посланию св. Григория Нисского, «грехи, касающиеся мысленной способности души, признаны от отцов *тягчайшими*». В этом отношении христианство и наука совершенно, как видим, сходятся. «Грех мысли», т. е. ошибка в понимании факта создает ложь в научном смысле, создает ложь и в христианском смысле. Разбирая вопрос об отношениях между альтруизмом и христианским чувством любви, мы должны руководствоваться исключительно соображением о том — что есть *правда*? Одно ли и то же это чувство, или два различных чувства? А полезно или не полезно создавать перегородки между христианами и нехристианами — это уже вопрос прикладной пользы, не относящийся к вопросу о правде. Я только твердо верю в то, что *истина* не может быть вредна *истине*. Значит, всякая правда полезна для христианства, а всякая ошибка мысли может быть лишь вредна ему.

«Грехи мысли» признаны от отцов «тягчайшими» из всех...

Альтруизм — есть высшее нравственное понятие, до которого добралась человеческая мысль, оставившая почву христианства. Любовь — есть высшее нравственное понятие, открытое людям христианством. Одно ли это понятие? Конечно, люди естественным путем могут доходить до понимания некоторых истин которые показывает и Откровение.

Есть однако кое-какие соображения, делающие очень сомнительным, чтобы в данном случае истина естественная совпадала с истиной откровенной.

Если бы допустить тождественной альтруизма и христианской любви, то должно было бы признать, что христиане и нехристиане живут одним и тем же нравственным началом. Если бы это было так, то пришлось бы далее признавать, что религиозный элемент не имеет для этики никакого *реального* значения.

В самом деле: человек не имеющий о Боге никакого понятия, не прибегающий к помощи Божией и даже отвергающий её — живет, говорят нам, совершенно *тою же* нравственной жизнью, как христианин, который и милостью Божией, и личными усилиями, и благодатной помощью Церкви, представляет живой храм, место, где почивает Господь. Если бы факты были таковы, то, стало быть, наше отношение к Богу и обратно не имеет никакого значения для нравственной жизни. Но эта точка зрения совершенно не совместима с христианством. Христианство есть религия духовной жизни, жизни в Боге; вся её сущность в нравственном мире. Доказать, что нравственная жизнь с Богом или без Бога совершенно одинакова, это значило бы доказать, что бытие Божие не имеет никакого *реального* значения.

Эти выводы заставляют усомниться в правильности посылок, их дающих, т. е. в точности отождествления альтруизма и христианской любви. Нельзя также не обратить внимания на то, что при установке «научной», внехристианской морали понадобился именно *новый* термин. Христианское понятие и термин *любви* существовали уже почти две тысячи лет, и однако Адам Смит счел нужным в основу своей морали положить *сочувствие, симпатию*, хотя он вообще против христианства ничего особенного не имеет. Огюст Конт, устанавливая основы нравственности, опять предпочел сочинить новый термин — альтруизм.

Это искание новых терминов никак не было делом прихоти. Тонкие аналитические умы Смита и Конта не могли не увидеть, что чувство ими разбираемое, совсем не то, которое христианство определяет как *любовь*. Это чувство не было незнакомо христианским отцам, великим и тонким психологам. Но чувство это порядка низшего (с их точки зрения). Оно для христианских отцов ничуть не основа морали, *а лишь психологическая почва, на которой можно возрастить действительную любовь*. Они и пользовались ею так же, как пользовались и почвой эгоизма, но в основу ставили иное чувство. Для моралистов «научных», которые хотели анализировать нравственность вне каких бы то ни было «предположений» о Боге, являлась напротив необходимость опереться именно на чувстве человека, как животного кроткого и общительного. Приходилось дать ему особое название, симпатии или альтруизма, так как с христианской любовью оно не совпадало. Поэтому и явился *новый термин*.

Не трудно убедиться, что О. Конт был в этом прав. У человека в действительности есть и то, что христианство культивирует, как *любовь*, и то, что позитивная мораль культивирует, как *альтруизм*. Это последнее, как сказано, было известно христианству.

Св. Василий Великий объясняет, что Бог, ставя пред человеком обязанность развивать в себе чувство *любви*, дает ему для этого возможность и облегчение в виде известных природных свойств, которые св. отец не боится свести почти в зоологическую область. «Кто не знает, говорит он, что человек есть животное кроткое и общительное, а не уединенное и дикое» (*Творения, т. 5, стр. 96. изд. 1892 г.*). Хотя таким образом этот «альтруизм» кроется даже в животной природе человека, однако как тут же напоминает св. Василий Великий, Христос в «любви» принес нам «заповедь *нову*». Ясно, что новая заповедь не тождественна с первобытным зоологическим инстинктом, иначе — она не была бы «*новою*». Ясно, что пред христианином оставлена не совсем та нравственная жизнь, которая свойственна человеку, как «животному кроткому и общительному»

И это вполне верно. Собственно альтруизм есть простая противоположность эгоизму и даже считается простым его метаморфозом, почему и содержание его постоянно измеряется тем или иным отношением к эгоизму. Христианская же *любовь* не есть противоположность эгоизму; она имеет совершенно иной источник, иное содержание, столь же мало противоречащее эгоизму, как и не совпадающее с ним. Это чувство совсем иной категории, не душевное, а *духовное*. Оно истекает от Бога.

При данной природе человека альтруизм существовал бы и в том случае, если бы Бога совсем не было. Любовь же обязана своим существованием исключительно тому, что «Бог любви есть» ([1 Ин 4:8](#)) и живет в нас. Потому св. Иоанн Лествичник определяет, что «любовь по качеству своему есть *уподобление* Богу» (*Лествица, слово 30:7*). «Любовь к Богу, говорит митрополит Филарет, есть душа истинной любви к ближнему» (*Слова и Речи, т. 4, стр. 169*). Весьма также выразительны относящиеся к этому предмету рассуждения св. Василия Великого.

Великий учитель поясняет, что «вместе с устроением человек вложен в нас в виде семени какой-то закон, в самом себе заключающий побуждение к общению любви» (*Твор. 5:89*); но правильный рост этого семени должен направлять любовь прежде всего именно к Богу. Извращение же этого нормального направления крайне губительно.

«Трепещу», говорит св. Василий Великий, «чтобы по *невнимательности ума* или по *занятию суетным* не отпасть от любви к Богу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас и мирскими приманками старается произвести в нас забвение о Благодетеле, к погибели душ наших ругается» и т. д. (*ib 95*). Это замечательное место прямо попадает по адресу альтруистов. Они, как и св. Василий Великий, знают, что человек есть животное кроткое и общительное. Но как «по невнимательности ума», так и «по занятию суетным» они поддались влиянию, которое «мирскими приманками старается произвести в нас забвение о Благодетеле». Они Его забыли, не стали принимать во внимание, и свою мораль решили построить на том первобытном чувстве, которое ведет всякое животное к обществу.

На этой основе, с уничтожением *духовного* воздействия, единственного источника христианской морали, разработан альтруизм.

Человек неверующий скажет, что это одно словесное различие. Скинуто со счетов нечто невесомое, неосязаемое, нечто такое, что при положительном рассуждении не может быть схвачено. Есть ли оно, нет ли его, — как это доказать?

Это — обычная история в рассуждениях неверующих. Но для христианина различие с первых же слов очень реально. А засим — даже для неверующего, при дальнейшем анализе, становится ясно, что присутствие или отсутствие этого «невесомого», недоказуемого, сказывается уже вполне осязательными последствиями и различиями.

Посмотрим, действительно, что культивируется в христианской любви, и что культивируется в альтруизме.

Любовь от Бога, живет Богом, приходит к Богу. Но чем живет альтруизм? Как любовь имеет своим источником существо Божие и сотворение Им людей, так альтруизм имеет источником существо общественной жизни и её воздействие на эгоистическую личность человека. Желая возрастить в себе «семя любви», христианин восходит к Богу и к Божественному отражению в личности ближнего. Если семя любви (как это обычно) задавлено толстым слоем эгоистической страсти, мешающей его росту, то христианина спасает опять Бог, страх Божий, которого тяжкое давление ломает страсть.

У альтруистов во всей этой культуре «семяни любви» Бог повсюду заменяет *обществом*. Восходя к источнику своего чувства; альтруист находит «благодетельное общество»; в случаях искушения страсти он находит поддержку в страхе пред общественным мнением или даже перед карой закона.

Эта замена Бога обществом составляет страшный обман, понятный для христианина. Это искуснейшая борьба против Христа, пред которою детски наивны грубые обманы язычества. Но какое дело до всего этого неверующему? Что, кроме словесных различий, может он найти в этой замене?

Различие однако очень существенное.

Мы видим, что альтруизм упраздняет *личное* начало и на его места ставит *коллективное*. Хорошо это ли дурно — оставим пока на оценку желающих. Но различие ясно.

В основе христианской морали, как высочайший закон лежит свойство Божественной Личности. Даже всеобщее единение верующих совершается не иначе, как в Божественной Личности, причем общий идеал святости не уничтожает тончайших оттенков личного развития людей, в Боге живущих. Социальный интерес не чужд христианству, как существу земному, но является вполне подчиненным, несамостоятельным. В альтруизме развивается совершенно обратное отношение: личность подчиняется обществу.

При этом нравственные свойства личности, определяясь условиями общественной жизни, перестают быть устойчивыми. Является неизбежно *эволюция морали*. И это не ошибка. Чувство человека, как животного кроткого и общительного, изменяемо. У христианина напротив, основа морали неизменна, потому что она находится не внизу, а вверху. Неизменный Бог привлекает к Себе изменяемого человека; животная почва — изменяется, а *идеал*, являющийся одновременно и источником силы — вечен. Отсюда и христианская идея о *раскрытии* истины в противоположность *развитию*. Раскрытие есть лишь осуществление вечного, бывшего всегда, но только обнаружившегося в данный момент. Наступление христианского совершенства — изображается Пророком в таких словах: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет... Вложу *законы Мои* в мысли их и напишу их на сердцах их, так что уже не будут учить один другого, а каждый будет знать Господа. (*Иеремия 31 — 34, а также Евр. 8:8,10-11*).

Новый завет есть лишь *раскрытие* Божественного содержания, которое у Бога было и раньше. Человек еще не обладал этим содержанием, но оно было у Того, Кто есть источник нравственности.

Таким образом источник нравственной силы, к которому зовет и ведет христианство, вечен и абсолютен, и этот Источник есть в то же время — Личность. *Высота личности* составляет

поэтому саму основу христианской морали, измеряясь не чем-либо находящимся вне её, а Божественными свойствами, составляющими её собственную природу.

При отстранении этого источника Божественной Личности и при постройке морали на животных свойствах — этика перестаёт быть абсолютной. Её начинают определять изменяемые и изменяющиеся условия общественной жизни.

Поэтому, при замене Бога обществом, личность, в самом существенном, основном свойстве своём — в жизни нравственной — перестаёт быть силой самостоятельной и подчиняется началу безличному, некоторому процессу природы, составляющему *общественный организм* или *общественный процесс*.

Этим совершенно изменяется наше отношение к личности. Люди видят перед собою нечто высшее, нежели личность — общественную коллективность — и их симпатии переходят на это высшее, как более прекрасное, более великое, а главное — самодовлеющее. Как ни обманывай ум человека «по стихиям мира сего», а душа у него все та же — как создал её Бог — и тянется к тому, что ей кажется самодовлеющим.

Поэтому, раз «невнимательность ума» и «занятие суетным» привели людей к забвению истинной основы нравственной жизни направление их сочувствия все более искажается. Альтруизм приводит человека к привязанности не личной, а *социальной*. *Вполне* извратить природу невозможно. Но всю силу культуры альтруизм ведет нас к тому, чтобы сочувствовать более всего не конкретной, действительно существующей личности, а отвлеченной *средней* личности. Она, её судьбы, её предполагаемые и определяемые теоретически (по «общественным» законам) нужды — вот что начинает нас интересовать.

Христианин любит ближнего самого по себе, безо всякого отношения к судьбам человечества. Альтруист любит в личности собственно орудия развития человечества.

Отсюда идут дальнейшие важные последствия. Между альтруистом и ближним становится человечество, которое и определяет, как и кого должно любить или даже ненавидеть. Ближние поэтому распадаются на два разряда: одни, способствующие развитию человечества, другие, ему мешающие. Христианин не может исключить из своего сожаления даже самого великого грешника, который в конце концов вредит все таки больше всего самому себе. Альтруист, относящийся к конкретной личности не прямо, а через общечеловеческие соображения, поступил бы нелепо если бы сохранил то же сожаление.

Конечно, повторяю, природу *вполне* исказить нельзя. Сверх того, альтруисты обыкновенно получают первоначальное воспитание не на своей, а на *христианской* морали. Поэтому последствия альтруистической морали в них более или менее долго парализуются остатками христианских влияний.

Но стоит понаблюдать любого деятеля, горячо отдавшегося альтруистическому течению, чтобы видеть, как он (с христианской точки зрения) уродуется в какие-нибудь 10 — 15 лет. *Его отношения к каждому конкретному человеку начинают определяться не свойствами этого человека, а его ролью в социальном процессе.*

Человечество — вот божество «альтруиста», он любит тех, кто служит по его понятиям человечеству, а предполагаемых «врагов» этого воображаемого человечества готов уничтожать со всею страстью фанатика; во всяком случае он от души их ненавидит.

В результате культуры общего у людей «семена любви» получается два совершенно различных растения, смотря потому, на какой почве мы его возвращаем. У христианина является любовь к человеку, к данному конкретному существу; получается мораль общая, ко всем одинаковая. У альтруиста развивается любовь к отвлеченному, *среднему* человеку; в конкрете же — правила морали двойные: одни для своих, другие для чужих.

Конечно у плохих христиан и плохих альтруистов эта разница менее резка. У великих христианских подвижников и великих деятелей альтруизма — «общественного блага» — она напротив бьет в глаза. Это как будто два существа различных пород.

Итак, что бы мы ни думали о «невесомом» и «недоказуемом» начале, служащем основой христианской морали, т. е. Боге, ясно во всяком случае, что моральная жизнь христианина и альтруиста практически совершенно не одинаковы не только в чем-нибудь неосвязаемом, духовном, а в проявлениях вполне наглядных.

Альтруисты типичные, горячие и проникательные всегда это сами чувствуют или даже понимают. Поэтому с покон веков они считают христиан «плохими гражданами» и христианство вообще недолюбливают. А между тем можно без ошибки сказать, что альтруисты и тут ошибаются, и что величайшие успехи человечества достигнуты духом именно этих «плохих граждан». Радетели же «общественного блага», подрывающие корни христианства, уничтожают *источник* всего доброго, что еще сохранилось в них самих.

Это последнее обстоятельство очень важно с точки зрения отношения христианства к альтруизму. Теоретически — моральное несовершенство альтруизма — и его противоположность христианскому чувству любви несомненны. Но возможно ли практически какое либо соглашение между христианством и альтруизмом? Мне кажется, что возможно лишь соглашение с *людьми*, а ни как не с этой системой морали.

Христианская мораль считает возможным пользоваться для развития любви тем же первобытным животным чувством, на котором воздвигается альтруизм. Но тут важно помнить два обстоятельства.

Во-первых, это чувство только *духовным* воздействием, а не самостоятельно развивается в любовь. «Забвение о Благодетеле» никоим образом нельзя допускать, коль скоро мы хотим из *сочувствия* развить *любьвь*. Пока нет некоторого, хотя минимального, искания Бога, *любви* из *сочувствия* не выйдет.

Во-вторых, нельзя не заметить, что простое первоначальное *сочувствие* (симпатия) тем пригоднее для развития любви, чем менее оно развилось в законченный «альтруизм».

Сочувствие, *симпатия* — чувство не особенно высокое. В сущности это есть проявление эгоизма, вследствие которого мы испытываем радость или страдание не только прямо, но и посредством *отражения* в нас чужого горя или радости. Пока это чувство симпатии таково, что оно дано Богом, оно полезно для развития любви, потому что помогает заметить в ближнем Божественное начало, и тем даже помогает легче ощутить его в нас самих. Но это лишь до тех пор, пока мы живо *сочувствуем* именно *конкретной* личности.

Когда же, при помощи культуры альтруизма, прямое *сочувствие* с конкретным существом ослабевает, а вместо этого является обманчивое и собственно фиктивное *сочувствие* к несуществующему *среднему* человеку, дело изменяется.

Природное, здоровое *сочувствие* тут в сущности исчезает, и эгоизм не ослабляется, а возрастает.

Чему мы *сочувствуем* в *среднем*, отвлеченном человеке?

Ведь такого человека нет, и быть не может. Мы тут просто создаем себе некоторое теоретическое представление, комбинацию разных свойств, отражающих наши *собственные* вкусы, понятия, желания. Мы в этом своем создании, как в зеркале смотрим *на самих себя* и лишь воображаем, будто бы *сочувствуем* кому-то другому. Но в зеркале нет никого другого, а только наш собственный образ.

Таким образом, в *развитом* альтруизме мы *возвращаемся* к *чистому* эгоизму, но уже не к тому грубому, здоровому эгоизму, какой Бог вложил в животное для его самосохранения, а к эгоизму, соединенному с обманом самого себя, эгоизму болезненному, воображающему себя чем-то возвышенным. Если даже естественный животный эгоизм, чтобы не мешать росту любви, требует обуздания страхом Божиим, то этот утонченный, так сказать, извращенный эгоизм, представляет еще более плохую почву для возрождения «семени любви», нормально развивающегося только при любви к *личности*, а не к отвлеченным формулам и представлениям.

Поэтому христианская идея ни в какие компромиссы чувства любви и чувства альтруизма входить не может. Только во имя Божие человек может любить искренно и правдиво другого человека. Только по побуждениям этой христианской любви можем мы благотельно воздействовать и на общественный процесс. Не человеческое, а Божье дело должны мы созидать

в мировом процессе Истории, если хотим дать благо и отдельным личностям и их коллективным союзам — обществу и государству. В этом отношении та или иная *система морали* имеет всеопределяющее значение для результатов нашей деятельности.